

СУНЬ-ЦЗЫ

ф и л о с о ф и я н а п а л ь ц а х

СУНЬ-ЦЗЫ

трактат О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ с комментариями и объяснениями хрестоматия

*перевод с китайского, предисловие
и комментарии Николая Конрада*

Издательство АСТ
Москва

УДК 355.4

ББК 68

С 89

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Перевод с китайского, предисловие, комментарии
академика *Николая Конрада*

Сунь-цзы

С 89 Трактат о военном искусстве : с комментариями и объяснениями /
Сунь-цзы; пер. с китайского, предисл., коммент. Н. Конрада. — Москва:
Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-099955-2

Настоящая книга — известный древнекитайский трактат, посвященный военной политике. До сих пор никому еще не удалось сформулировать принципы ведения войны так же просто и афористично, как человеку, известному под псевдонимом Сунь-цзы. Его произведение является основным текстом «школы военной философии», оказавшим большое влияние на всё военное искусство Востока.

Оно учит разработке стратегии, тактике, дипломатии, самоорганизованности, умению концентрироваться на определенной задаче и успешно решать ее, вести переговоры на любом уровне, показывает, как можно перехитрить своего противника и довести начатое дело до победного конца. Этой книгой зачитывались маршал Карл Густав Маннергейм и генерал Аксель Айро. Она переведена на многие языки и изучается людьми разных профессий и разных статусов.

Трактат издан в классическом переводе востоковеда Н. Конрада с его глубокими комментариями, представляющими собой отдельное увлекательное произведение.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-099955-2

© Н.И. Конрад (наследник), перевод, предисловие,
комментарии, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

От переводчика

Среди огромной и разнообразной литературы, оставленной нам старым Китаем, особое место занимает литература по военному искусству. При этом, подобно широко известным классикам философии, и эта литература имеет своих классиков: древнему конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» здесь соответствует свое «Семикнижие».

Это «Семикнижие» образовалось в результате продолжавшегося много веков отбора из очень большой военной литературы тех произведений, которые постепенно приобрели авторитет в вопросах войны и военного дела. Свою окончательную форму этот отбор получил при сунской династии в последней четверти XI в. С тех пор эти произведения заняли положение общепризнанных классиков.

Этих трактатов семь, но наибольшее значение имеют два из них, поставленные на первом месте: «Сунь-цзы» и «У-цзы», названные так по именам тех древних стратегов, которым традиция приписывает авторство если не самих этих сочинений непосредственно, то, во всяком случае, тех положений, которые там высказаны. Если «Семикнижие» в целом считается «каноном военной науки» (у-цзин), то основу этого канона составляют эти два трактата. Кстати сказать, они являются и наиболее древними: историческая традиция считает, что деятельность Сунь-цзы как полководца падает на конец VI и начало V в. до н. э.; деятельность У-цзы — на начало IV в. до н. э. Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае, и в Японии принято было считать, что вообще военное искусство старого Китая есть «военное искусство Сунь-У» (Сунь-У бин фа).

Однако не даром из этих двух трактатов на первом месте поставлен «Сунь-цзы». Этот трактат создал основы военной науки старого Китая. В конце Минской эпохи, т. е. в первой половине XVII в., Мао Юань-и говорил, что, возможно, и были трактаты по военному искусству до Сунь-цзы, но, во-первых, они до нас не дошли, а во-вторых, самое существенное, что в них имелось,

вошло в состав учения Сунь-цзы; после Сунь-цзы появился ряд сочинений в этой области, но все они в конечном счете либо прямо развивают те или иные идеи Сунь-цзы, либо находятся под его влиянием. Поэтому, заключает Мао, строго говоря, вся военная наука в Китае целиком заключается в «Сунь-цзы».

Эти слова свидетельствуют прежде всего о том ореоле непререкаемого авторитета, которым было окружено имя Сунь-цзы даже в столь поздние времена, т. е. когда военная наука в Китае насчитывала уже множество сочинений. Конечно, Мао не прав: не все трактаты «Семикнижия» повторяют «Сунь-цзы» или исходят из него. Вполне оригинальными по содержанию могут быть признаны трактаты «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы», «Сыма фа» и некоторые другие, но совершенно бесспорно, что по значению никто, даже прославленный «У-цзы», не может быть поставлен рядом с «Сунь-цзы». Под знаком «Сунь-цзы» идет вся позднейшая, по крайней мере с III в. н. э., военно-теоретическая литература старого Китая.

Эта роль «Сунь-цзы» не ограничивается одним Китаем. Совершенно такое же положение занимал трактат Сунь-цзы и в прежней Корее, и в феодальной Японии: и там это был авторитет во всех основных вопросах, касающихся войны.

Новое время не отвергло «Сунь-цзы». И в XIX и XX вв. как в Китае, так и в Японии «Сунь-цзы» изучается специалистами военного дела наравне со старыми классиками военной научно-теоретической мысли других народов.

Изучение трактата Сунь-цзы всегда составляло в этих странах необходимый элемент высшего военного образования. События же последних 20–25 лет¹ пробудили новый, еще более широкий интерес к этому памятнику. На своей родине, в Китае, трактат Сунь-цзы оказался в сфере внимания непосредственных руководителей борьбы китайского народа против своих угнетателей и иностранных захватчиков.

Нельзя, с другой стороны, пройти мимо того факта, что за последние десятилетия трактат Сунь-цзы привлекал к себе усиленное внимание

¹ Работа вышла в 1950 г. — *Примеч. ред.*

и в противоположном лагере, прежде всего — среди японских реакционных военных деятелей. Свидетельством этому являются новые издания трактата, вышедшие в 1935, 1940 и 1943 гг. и рассчитанные на широкого читателя. Поскольку эта популяризация древнего памятника имела место в те годы, когда японский империализм вел (с 1931 г.) разбойничью, захватническую войну в Китае и готовился к нападению на СССР, постольку ясно, что правящие круги империалистической Японии стремились использовать многие воззрения Сунь-цзы в своих целях и превратить трактат Сунь-цзы, соответственным образом прокомментированный, в одно из средств милитаристской пропаганды.

Несомненно, в учении Сунь-цзы, обусловленном своей исторической эпохой, есть много черт, привлекавших к нему тех, кто вел захватнические войны. Военная идеология, нашедшая свое яркое выражение в трактате Сунь-цзы, являлась идеологией господствующих классов Древнего Китая и в дальнейшем прочно вошла в военно-идеологический арсенал феодальных властителей Китая и Японии. Эта военная идеология — если рассматривать ее историческую роль на протяжении многих веков — была идеологией, необходимой тем, кто вел несправедливые, захватнические, грабительские войны. Но вместе

с тем это учение никогда не пережило бы настолько свой век, если бы в нем не содержались и иные черты, делающие возможным обращение к нему и тех, кто вел и ведет борьбу против захватчиков. Освободительная борьба такого характера и размаха, какая никогда еще не наблюдалась в истории Китая и которая привела к победе народно-демократических сил, свидетельствует, что ряд положений Сунь-цзы, критически освоенных применительно к иной исторической обстановке и иным целям вооруженных действий, оказался пригодным и в борьбе народа против его угнетателей. Эти стороны учения Сунь-цзы, несомненно, представляют для нас особый интерес.

Таким образом, есть все основания для перевода этого древнего сочинения по военному искусству на русский язык. Этим самым вниманию специалистов, изучающих памятники военной науки, предлагается трактат

Сунь-цзы — древнейшее и в то же время одно из наиболее широко известных произведений военной литературы в Китае, Корее, Японии. Этим самым появляется своего рода военно-теоретический комментарий к военной истории указанных стран, облегчающий изучение — с точки зрения характерного для ряда стран Дальнего Востока стратегического и тактического искусства — важнейших войн и сражений, которые там велись. Ввиду же того что Сунь-цзы и в Китае, и в Японии не отброшен новой военной наукой, стремящейся извлечь из его воззрений их рациональное зерно, знание этого трактата может быть небесполезным и для понимания некоторых сторон стратегии и тактики армий этих стран не только в прошлом, но и в новое время.

Есть одна специфическая сторона этого трактата, которой он в значительной мере обязан своей широкой известностью. Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран

Дальнего Востока, и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена.

Перевод трактата, предназначенный для современного советского читателя, неминуемо должен сопровождаться комментарием. Это необходимо прежде всего для того, чтобы вскрыть мысль Сунь-цзы, часто облеченную в такую форму, которая делает ее малопонятной для человека XX в. Не нужно забывать, что манера, в которой Сунь-цзы излагает свои мысли, отличается от стиля, которым пишутся привычные нам теоретические работы. Сунь-цзы не доказывает, не разъясняет. Он только высказывает свои положения, и высказывает обычно в сжатой, афористической форме. Поэтому понять его мысль по ее буквальному выражению часто нелегко, и переводчику, не желающему превращать перевод в распространенный пересказ, нередко приходится предоставлять разъяснение этой мысли комментарием. Далее, нужно помнить, что Сунь-цзы употреблял слова и выражения своего времени, во многих случаях непонятные даже его китайским читателям позд-

нейших времен. Поэтому перед переводчиком, не желающим европеизировать и модернизировать язык и стиль древнего китайского стратега, встает необходимость, оставив в переводе слова и выражения по мере возможности такими, каковы они в оригинале, разъяснять их в особом комментарии. И наконец, трактат Сунь-цзы принадлежит древней китайской культуре: все его содержание укладывается в круг понятий этой культуры, связано с определенной исторической обстановкой. Советский читатель может этой обстановки не знать, а без этого знания трактат Сунь-цзы не может быть полностью понят. А это означает, что переводчик должен представить те или иные положения Сунь-цзы в свете китайской истории той эпохи.

Все эти причины и привели к тому, что к русскому переводу оказался присоединенным обширный комментарий, поясняющий фразу за фразой весь текст трактата. Переводчик стремился разъяснить смысл его отдельных понятий, смысл его положений и правил, а также установить внутреннюю связь между отдельными высказываниями и частями трактата в целом.

Составляя свой комментарий, автор старался вскрыть мысль Сунь-цзы, как она должна была представляться в его время. Ключ к идеям и положениям Сунь-цзы, конечно, пришлось искать, как только что было сказано, прежде всего в его эпохе. Этой эпохой, по убеждению автора, был так называемый период «Пяти гегемонов» (У ба), т. е. VII–VI вв. до н. э., точнее, конец VI — начало V в., т. е. время, когда древний рабовладельческий Китай состоял из самостоятельных, боровшихся между собой царств. Именно тогда и сложилась доктрина Сунь-цзы как учение о захватнической войне в интересах рабовладельцев.

Конкретное историческое содержание той эпохи, общий ход исторического процесса того времени, как он раскрывается в свете нашей исторической науки, и определили понимание основных положений трактата. При изучении этой эпохи автор обратился к особому, до сих пор не привлекавшемуся материалу: к сочинениям по военному искусству, возникшим в ближайшие к эпохе Сунь-цзы времена — в период Чжаньго (403–221), именно — к трактатам «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа», а также к литературе хотя

и значительно более поздней, но тесно связанной с трактатом Сунь-цзы, как, например, к известным «Диалогам» Ли Вэй-гуна. Поэтому читатель найдет в книге ряд цитат из этих, а также и других трактатов «Семикнижия», цитат, призванных разносторонне осветить то или иное положение Сунь-цзы.

Эпоха Сунь-цзы, рассмотренная с привлечением указанной специальной литературы, послужила первым материалом для русского комментария трактата. Огромную помощь в деле разъяснения трактата оказали, конечно, и китайские комментаторы. Как известно, комментарии на трактат Сунь-цзы стали появляться уже в древности; есть сведения о существовании таких комментариев уже в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Они не дошли до нас, и наиболее ранний из известных нам — комментарий Цао-гуна относится к началу III в. н. э. Комментирование интенсивно продолжалось и дальше, так что трактат постепенно оброс целой толковательной литературой. В конце концов в XI в. был окончательно установлен список наиболее важных и авторитетных комментариев из числа появившихся с III по XI в. включительно. Таких оказалось десять, авторами которых были: Цао-гун, Ду Му, Мэй Яо-чэнь, Ли Цюань, Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Мэн-ши, Чэнь Хао, Цзя Линь, Чжан Юй. К ним обычно присоединяют еще и одиннадцатого — Ду Ю. Эти комментарии и стали сопровождать в дальнейшем всякое издание трактата, так как без них он для китайского читателя позднейших времен уже был во многом непонятен.

Ценность этих комментариев огромна. Авторы их — знатоки военного дела — дают богатейший материал для понимания той или иной мысли Сунь-цзы. Поэтому всякий переводчик, составляя свой комментарий, обязан пользоваться этим материалом. При этом комментирование трактата велось не только в Китае; Сунь-цзы, ставший классиком военного искусства на всем Дальнем Востоке, вызвал внимание и японских военных писателей. Это было и в феодальной Японии, это наблюдается и в современной.

Переводчик привлек только один из японских комментариев: старое толкование Опо Сорай (1750). Новейшими японскими комментариями автор не пользовался, так как, по его мнению, в них нет ничего, что заслужива-

ло бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы. Поэтому читатель не найдет в настоящей работе никаких ссылок на этих комментаторов, хотя они автору хорошо известны.

Составляя русский комментарий трактата, автор ни в коем случае не исходил из какого-нибудь одного из этих комментаторов. Исходить из одного значило бы подчиниться его концепции. Но концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Автор же стремился, как сказано выше, понять мысль Сунь-цзы адекватно эпохе, в которую жил и действовал Сунь-цзы, и той социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял, — насколько, конечно, наши исторические знания позволяют решить такую задачу. Автор постарался расширить эти знания привлечением нового, указанного выше материала: перечисленной выше древней китайской литературы по военному искусству. Старые китайские комментаторы привлекались лишь при филологическом изучении текста, необходимом для русского перевода. Как уже было сказано, многие слова и выражения трактата очень трудны для понимания, и не только для современного читателя: не забудем, что уже в эпоху вэйского Цао-гуна, т. е. в III в., понадобился комментарий, без которого этот трактат, очевидно, был малопонятен даже тогда. При этом самое беглое знакомство с комментаторской литературой убеждает нас в том, что различные комментаторы по-разному, иногда прямо противоположно понимали те или иные слова и выражения трактата, по-своему истолковывали смысл многих его фраз. Переводчик мог, конечно, предложить тот перевод, который с первого взгляда представляется как будто само собой разумеющимся. Однако долгий опыт работы над китайскими классиками убедил в том, как легко при таком неосторожном подходе вложить в исследуемый текст содержание, которого в нем никогда не было. Поэтому каждую версию предлагаемого перевода необходимо было всегда проверять. Основным методом проверки правильности перевода того или иного места трактата было сопоставление этого перевода с переводом других мест, соприкасающихся по теме, материалу, мысли. Кроме того, возможность такого именно перевода оценивалась в свете общей

концепции трактата, той системы взглядов, которая, по убеждению исследователя, в нем заложена. Но каждое установленное таким путем понимание переводчик сопоставлял с данными различных китайских комментариев, стремясь проверить допустимость данного им лексического и грамматического толкования вообще. Однако для плодотворности этой работы было необходимо подвергнуть этих китайских комментаторов серьезному критическому рассмотрению, которое нашло свое отражение частично в основной части труда – разборе учения Сунь-цзы, частично в «Примечаниях». Если привести всю проделанную работу полностью, получился бы труд узкоспециального синологического характера. А именно этого автор и не хотел делать, так как он обращается в первую очередь к военному специалисту вообще, к историку военно-теоретической мысли. При этом, как уже сказано, китайские комментаторы во многом по-разному понимают своего автора, очень часто не согласны друг с другом. Их работы представляют род развернувшейся в истории китайской военно-теоретической мысли дискуссии по вопросам военной науки, а также своего рода историю развития этой мысли в Китае вообще. Но изучение этой истории – задача особая, не входящая в рамки данной работы.

Многие положения Сунь-цзы, вероятно, вызовут у читателя-специалиста ассоциации с отдельными мыслями и даже с общими взглядами тех или иных писателей по вопросам военного искусства или полководцев различных стран. Но автор настоящей работы этого не затрагивает: во-первых, это – особая тема, выходящая за рамки настоящей работы, а во-вторых, автор не является специалистом по истории военно-теоретической мысли и не считает себя вправе делать какие бы то ни было сопоставления и выводы в этой области. По его мнению, это могут сделать и, как автор надеется, сделают наши военные специалисты, осветив, таким образом, место Сунь-цзы в истории древней военно-теоретической мысли и древнего военного искусства. Именно для такой совершенно особой работы автор и дает свой материал.

Автор не имел также возможности указать, как изучался трактат Сунь-цзы в кругах военных специалистов в Китае и Японии в Новейшее время.

Автор знает, что трактат Сунь-цзы входил в систему военного образования этих стран, и обращает на этот факт внимание своих читателей-специалистов. Более того, именно этот факт и заставил автора взяться за изучение этого древнего памятника. Но исследование того, что именно из воззрений Сунь-цзы вошло в военную доктрину правящих кругов империалистической Японии, старого императорского и гоминь-дановского Китая, не входило в задачу автора, так как это также является темой особой работы, требующей для своего освещения специальных знаний, которыми автор не располагает. Но именно для того, чтобы помочь соответствующим специалистам разобраться в этом вопросе, автор и проделал свою историко-филологическую работу.

Эти разъяснения необходимы для того, чтобы заранее предупредить читателя о том, что именно автор считал входящим в задачу его труда и что он мог в нем дать в меру своих возможностей.

В заключение автор позволяет себе выразить надежду, что предлагаемый материал окажется небесполезным для историка военно-теоретической мысли. И если Сунь-цзы будет включен у нас в число авторов, более подробно изучаемых в плане истории военной науки, цель данной работы будет достигнута. Сунь-цзы на это имеет право не только потому, что он основоположник и важнейший классик старой военной науки в Китае и Японии, не утративший своего значения и в наше время, но и потому, что он наиболее древний из военных писателей мира, мысли которого дошли до нас в форме более или менее законченного трактата.

Н. Конрад

Июнь 1949 г.

Москва

Введение

1. Трактат Сунь-цзы

Как известно, основным и, в сущности, единственным по своему значению источником наших сведений о Сунь-цзы является его биография, помещенная Сыма Цянем (145–86/74) в его «Ши-цзи» — «Исторических записках». В них сообщается, что имя Сунь-цзы было У, что родился он в царстве Ци, служил одно время в царстве У в качестве военачальника, затем вернулся в родное царство и там вскоре умер.

Эта биография не имеет особого значения для науки, так как рассказы о Сунь-цзы, которые в ней приводятся, по своему характеру относятся скорее к историческим анекдотам, создавшимся вокруг имени знаменитого стратега древности, чем к историческим фактам. Собственно говоря, приводится лишь один, ставший хорошо известным рассказ: о демонстрации Сунь-цзы — во время пребывания его в царстве У — своего искусства на примерном сражении двух отрядов, составленных из царских наложниц. Этот рассказ изложен в комментарии к VIII главе и, конечно, интересен только как иллюстрация того, как представляли себе последователи Сунь-цзы некоторые положения его учения, в данном случае — положение об абсолютной власти полководца, когда он на войне, — иллюстрация, ради большей значительности соединенная с именем автора. Был ли этот случай в действительности, это не имеет никакого значения. Для науки в этой биографии важно только то, что из нее мы узнаем о времени жизни Сунь-цзы, о том, что он был стратег — полководец или военный советник на службе в царстве У и что он был, кроме того, автором трактата, вошедшего в историю китайской культуры под его именем.

Время жизни Сунь-цзы определяется данными этой его биографии. Как передает Сыма Цянь, главная деятельность Сунь-цзы протекала в царстве У в то

время, когда там правил Хо-люй. Если следовать принятой хронологии, правление Хо-люя падает на 514–495 гг. до н. э. Таким образом, мы можем установить самое важное для нас – эпоху, в которую Сунь-цзы жил: это конец так называемого периода Чуньцю (770–403).

Это обстоятельство уже само по себе проливает свет на его личность. Сунь-цзы находился на службе у князя Хо-люя, согласно Сыма Цяню, в качестве полководца, и в качестве такового он действовал с большим успехом. Сыма Цянь сообщает, что Сунь-цзы разгромил царство Чу, находившееся к западу от У, овладел даже его столицей – городом Ин; на севере нанес поражение двум другим царствам – Ци и Цзинь. Именно его победам царство У обязано усилением своего могущества и укреплением своего положения среди прочих царств. Находившееся на юго-восточной окраине тогдашнего Китая, это владение считалось «варварским» и сначала не входило в качестве полноправного члена в систему владений, из которых слагалось государство того времени, возглавляемое царями династии Чжоу. Лишь после побед Сунь-цзы владетель этого царства вошел в состав «чжухоу», т. е. официально признаваемых правителей самостоятельных владений.

В сообщениях Сыма Цяня исторически достоверным является все, кроме того, что относится непосредственно к Сунь-цзы. Факт разгрома войсками У царства Чу, и притом именно в эти годы, подтверждается сведениями, содержащимися в «Цзо-чжуань». Но в рассказе «Цзо-чжуань» говорится о царе и ни словом не упоминается о полководце. Естественное, что в связи с этим появляется сомнение в правдивости вообще тех сведений о Сунь-цзы, которые даются Сыма Цянем. Однако никак нельзя делать того вывода, что Сунь-цзы вообще на службе у князя Хо-люя не состоял. Один из исследователей «Сунь-цзы» считал, что Сунь-цзы как наемный полководец, человек из другого царства, мог не стоять официально во главе войск, что главнокомандующим мог считаться сам князь. Это объяснение очень правдоподобно, так как в те времена случаи нахождения во главе войск отдельных царств таких наемных военачальников были далеко не единичны, достаточно вспомнить биографию того же У-цзы. Вернее всего, что князь действительно сам стоял – по крайней мере